

Как скучно, как закономерно и как неизбежно – приходит новое поколение и начинает мир с себя, считая прошедшее только поводом к иронии или молодому снисхождению: что возьмёшь со стариков?

Вот не угодно ли из блога одного «продвинутого» самодельного мыслителя, возвещающего торжество нынешних молодых.

«Они очень крутые. Они умнее, быстрее и сильнее, чем мы. Зачем учить, если можно загултить... мир-то развивается, всё движется. Большие нет субкультур плюс ангрейд русского языка. Помните раньше были эмо, панки, готы, рэперы, тусовщики и прочие? (так и хочется переспросить: помните? – В.К.) Теперь их нет. Смартфон в руке кратко повысил скорость распространения информации, разрушил коммуникационные барьеры, сломал рамки. Они открыты к новому. У них нет страха – быть чужим в своей группе, потому что нет никакой группы. То же самое происходит с языком. Он быстро вобрал в себя жаргонизмы от самых разных групп: сленг, эковские словечки, анимешные аригатусенсей, наркосленг, эмоджи вполне себе уживается с литературным русским языком. Это потрясающе. Сейчас русский язык получил второе дыхание. Он обрёл потрясающий пласт для иносказательности, у него появился мощный нарратив в среде. Сегодня я могу зашить в текст больше, чем 5 лет назад.

...Мы получили толпу индивидуалистов, которые насквозь видят фальшь, умеют быстро находить ответы, держат мозги открытыми, обогащают русский язык и развивают. Они потихоньку убивают продюсерский контент, заменяя его на самиздат плюс органическая природа хайпа – хайп имеет органическую природу. Вы не заставите их отправлять друг другу какой-либо трек.. Вы не сможете купить их внимание больше, чем на один вечер. И они посмеются, когда посмотрят на вас и ваш продукт. Они очень быстро меняют правила игры.... Старая школа до сих пор не может поверить, что они на задворках, а залы качают Pharaoh и Скриптонит. Они приходят в среду и обустроивают её под себя. Скоро они столкнутся с государственными институтами. Ох, я бы не хотел оказаться на месте этих самых институтов».

Пришлось сократить. Там ещё восторженные слова о легализации мата и такое владение им, что не всякий русский забор выдержит (разве что интернет – этот «парень» может дать мастер-класс, **матер**-класс любому тюремному бараку). Блогера называть не буду, чтобы не соблазнять читателя и не «рекламировать» новые способы «обогащения» русского языка.

Какова энергия?! Ведь это «Декларация прав народов»! За этим якобы отчуждённым «они» почти не прячется «мы». Раз «мы» «их» так хорошо понимаем, и раз «я могу зашить в текст больше чем 5 лет назад», то какие же «они»? Я! Мы! Но отчего же на ум тотчас приходят болезненные сны Родиона Романовича Раскольникова о «трихинах», вселяющихся в тела людей»? Сравните-ка побуждения-то героев сна Родиона Романовича и «очень крутых» мастеров «загултить» мир: «...никогда, никогда люди не считали себя так умными и непоколебимыми в истине, как считали заражённые. Никогда не считали непоколебимее своих приговоров, своих нравственных убеждений и верований... всякий думал, что в нём одном и заключается истина...». И эти предупреждения «государственным

институтам» – смотрите, де, мало не покажется.. Ведь тут рядом ещё и «наши» из «Бесов» Фёдора Михайловича. Они, как те, «приходят в среду и обустроивают её под себя»...

Но я не о «разрушении коммуникационных барьеров», хотя и это болезненно и тревожно. Я о «втором дыхании» русского языка и о «потрясающем пласте иносказательности». Всё подтверждения этого «богатства» ищу. Читаю, вроде, много и всё лучшее из публикующегося сегодня, что представляется издательствами на соискание премий «Большая книга» и «Ясная Поляна», как гордость и упование на заинтересованность читателя и чаяние тиражей и внимания. А вот что-то не вижу, чтобы в текст «было зашито в пять раз больше». Или молодые гении не ищут премий, чтобы нечаянно не попасть «на задворки старой школы» и нарушить «органическую природу хайпа»?

Разве увидеть это новое богатство в предложении Владимира Сорокина из его «Манагары» готовить шашлыки из осетрины на первом издании «Идиота» (как они чувствуют опасность Достоевского, видевшего их насквозь!) или гриль на «Швейке» и «Старике и море», которые не займут воображение «больше чем на один вечер». Или обрадоваться легализации мата, побуждающей всё большее число книг предупреждать с обложки, что это для читателя +18 и что «содержит нецензурную брань». Читаю вон Анну Тугареву («Иншалла»), где мат, как быт, и без него ни шагу, когда уже не человек говорит, а анатомия, животный закон и вывернутая наизнанку мораль. И не знаю, как загородить текст от зашедшей и заглянувшей через плечо внучки. Никакой спины не хватает. Остается захлопнуть и покраснеть. А автор возразит: да вы что не видите, что это не моё щегольство лексикой, а это мир сегодня такой, от него не загородишься. Тут голову под крыло не спрячешь – это улица, её обиход. Для пользы же и защиты вашей внучки и пишу, чтобы мир видел. А я вот, грешный, отчего-то не верю, что текст рождается из страдания от несовершенства мира, и всё прячусь и хочу остаться «на задворках». Как и при чтении книги Галины Шевченко «Шахтерская Глубокая», где, вроде, про Донбасс, но где Эрос побеждает Танатос по всем фронтам, как в некогда шумном романе Оксаны Забужко «Полевые исследования украинского секса». Вот и тут «полевые исследования». А прискучат свои – разогни Джонатана Коу («Номер 11») или Алессандро Барикко («Юная невеста») и только хмыкнешь – оказывается, и ТАМ говорят одним русским матом (интересно бы заглянуть в оригинал – как это звучит там).

Нет, рано молодые машут рукой на «старую школу». Она ещё подождёт уступить «Pharaon`у и Скриптониту. И хоть внешне как будто эпоха Гутенберга» действительно кончилась, о чём наперегонки твердят и западные, и наши романисты, и уже пора переезжать на виртуальные пространства, а всё-таки хочется пожить на старых книжных пространствах, и «продюсерский контент» всё сопровитвляется отпеванию молодых.

Только горечь никуда не денешь, и проза сетует на тупики истории и исчерпанность человечества, как в книгах Павла Крусанова («Железный пар»), где мы уже тормоз и гибель, а не «человек разумный», или Александра Мелихова («Свидание с Квазимодо»), где всякое движение под микроскопом и уже будто и не сюжет, а всеобщая «судебка» – судебно медицинская экспертиза. Где «открытое общество» так закрыто и цинично управляется с нами, что «утираться» не успеваешь: это твои избранники, благодетели, депутаты, спонсоры (Анатолий Кириллин «Семена для попугаев») и где при торжестве церкви стремительно падает вера (Герман Садулаев «Иван Ауслендер»).

С чего бы, с чего бы это торжество обступающей тьмы? Дописать строку не успел, взглянул на календарь на столе – давно забыл перелистывать, (чего дразнить-то себя скоростью улетающих дней). А остановился-то, оказывается, на 7-е ноября. Со зла, видно, и оставил число-то, потому что включил тогда раза три за день телевизор и увидел, что мы только и делаем, что соревнуемся в формах предательства родной истории (будто революции, а на деле всей истории) и не захотелось больше говорить о литературе и о диалоге молодости и старости. Все мы тут уравнились и очень «помолодели» и разнимся только оттенками слов, а по существу одинаково стыдимся прошлого и «подсвистываем» молодым, чтобы не показаться старомодными, то есть просто здоровыми, потому что здоровые «скучны», а «усталые» тонки и эффектны.

Но – вот отличие старости от юности. Всё на минуту покажется безутешно, а выглянешь в живое, а не телевизионное окно – осень догорает, молодые матери (совсем девочки) катят коляски и счастливо смеются своей молодости, и опять, как тысячу лет до тебя, после таких же сомнений и агрессии «крутых мастеров» поверишь, что мир образумится, и дети (если они действительно умнее, чем мы) в свой час вспомнят, что они родились не сами от себя, а от «заблуждающихся» отцов и дедов. И живы, и сильны только памятью и любовью друг к другу и миру. И они завтра станут тем, что зовётся Родина, память и жизнь. И литература! И бессмертие! А не «толпа индивидуалистов»...